

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
13 September 2022
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Решение, принятое Комитетом в соответствии
с Факультативным протоколом в отношении
сообщения № 3023/2017* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	О.Х.Д., О.А.Д. и Б.О.М. (представлены адвокатом Маделин Бриджетт)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы и Н.М.Т.
<i>Государство-участник:</i>	Австралия
<i>Дата сообщения:</i>	6 сентября 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 21 сентября 2017 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	25 марта 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация в Нигерию
<i>Процедурные вопросы:</i>	несовместимость; отсутствие разрешения; неприемлемость <i>rationae personae</i> ; неприемлемость <i>ratione materiae</i> ; степень обоснованности утверждений
<i>Вопросы существа:</i>	право на уважение семейной жизни; недопустимость принудительного возвращения; пытки; жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание
<i>Статьи Пакта:</i>	2 (пункт 1), 7, 17, 23 (пункт 1) и 24 (пункт 1)
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	1, 2 и 3

* Принято Комитетом на 134-й сессии (28 февраля — 25 марта 2022 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махджуб эль-Хайба, Фуруя Сюити, Карлос Гомес Мартинес, Марсия В.Дж. Кран, Данкан Лаки Мухумуза, Фотини Пазардзис, Эрнан Кесада Кабрера, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Чхангрок Со, Кобойя Чамджа Кпача, Элен Тигруджа, Имэру Тэмэрэт Йыгэзу и Гентиан Зюбери.

1.1 Авторами сообщения являются О.Х.Д., 1992 года рождения, его мать, Б.О.М., 1963 года рождения, и его брат, О.А.Д., 1995 года рождения, все граждане Нигерии. Они представляют сообщение от своего имени и от имени Н.М.Т., дочери О.Х.Д., гражданки Австралии 2016 года рождения. Авторы заявляют, что их высылки в Нигерию государством-участником нарушат их права, предусмотренные статьями 2 (пункт 1), 7, 17, 23 (пункт 1) и 24 (пункт 1) Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 25 декабря 1991 года. Авторы представлены адвокатом.

1.2 21 сентября 2017 года, руководствуясь правилом 94 своих правил процедуры и действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам, Комитет постановил не направлять просьбу о принятии временных мер защиты.

Факты в изложении авторов

2.1 О.Х.Д. и О.А.Д. родились у Б.О.М., которая является христианкой, и М., мусульманина, обращенного в христианство. В 1995 году М. был смертельно отравлен своей семьей, вероятно, из-за его обращения в другую веру. Во время ритуала, предшествовавшего похоронам, Б.О.М. была избита членами семьи М. за отказ выпить воду, в которой омывали его тело. Ее заперли в комнате вместе с его телом и велели есть плоть, которую она убила, но ее освободили члены семьи. Семья М. потребовала опеку над детьми. После переговоров было решено, что Б.О.М. может оставить детей у себя при условии, что она не выйдет замуж за другого христианина, не будет водить их в церковь, запишет их в мусульманские школы и будет обращаться к ним по их мусульманским именам. Однако в 2002 году семья М. забрала у нее детей, узнав, что она водила их в церковь. После вмешательства религиозного вождя О.Х.Д. было приказано остаться с семьей М. и поступить в мусульманскую школу, но его брат, О.А.Д., был возвращен к Б.О.М. На лбу О.А.Д. был сделан надрез, указывающий на то, что он является мусульманином. После этого Б.О.М. стала получать угрозы с предупреждением не водить О.А.Д. в церковь.

2.2 В 2005 году сестра М. узнала, где живет Б.О.М. и что она водила О.А.Д. в церковь. Она начала рассказывать местному населению, что Б.О.М. убила своего мужа и что она ведьма. Б.О.М. переезжала из одних районов Нигерии в другие, стремясь найти убежище от семьи М. В 2006 году она забрала О.Х.Д., переехала с ним и О.А.Д. в штат Кадуна и вышла замуж за другого христианина. В 2009 году семья М., которая связалась с группой «Ахли Сунна», аффилированной с «Боко Харам», начала угрожать ей и ее семье убийством, если она продолжит посещать церковь. Однажды, когда она вместе со своей семьей находилась в церкви, на церковной парковке взорвалась бомба, убив семь человек. В 2012 году ее магазин был разграблен, а ее муж получил новые угрозы. В 2013 году, после получения ее мужем угроз от «Ахли-Сунна», ее дом был взорван и подожжен. Они переехали к ее падчерице в Абуджу, которая также стала получать угрозы.

2.3 Авторы прибыли в Австралию 28 февраля 2013 года и 12 марта 2013 года подали заявление на получение защитной визы (класс ХА). 11 июля 2013 года представитель министра иммиграции и пограничной охраны отклонил их заявление, сославшись на то, что реальной угрозы подвергнуться преследованию для них не существует. Трибунал по рассмотрению дел беженцев 12 апреля 2014 года оставил решение в силе. Федеральный окружной суд Австралии отклонил их апелляцию 23 октября 2015 года. Четыре обращения к министру иммиграции и пограничной охраны, поданные в соответствии со статьей 417 Закона о миграции 1958 года, который позволяет министру заменить решение Федерального окружного суда Австралии на более благоприятное решение, также не увенчались успехом. Срок действия их виз истекает 8 сентября 2017 года¹.

¹ Авторы выехали из Австралии в Нигерию 11 октября 2017 года (см. пункт 5.1 ниже). Впоследствии Б.О.М. уехал в Канаду, О.Х.Д. — в Соединенные Штаты Америки, а О.А.Д. — в Бенин (см. пункт 5.5 ниже).

2.4 О.Х.Д. утверждает, что поддерживает тесные связи с Австралией, ссылаясь в том числе на то, что в Австралии у него есть дядя, что его упоминали в новостях в связи с его вкладом в местную деятельность и что он получил университетскую стипендию. В октябре 2016 года петиция, адресованная австралийским властям в его пользу, набрала более 24 000 подписей. Более того, он работает на двух работах и создал трастовый фонд для Н.М.Т., своей дочери, которая родилась в Австралии. О.Х.Д. не поддерживает отношений с матерью Н.М.Т. 14 февраля 2017 года Суд по семейным делам Австралии вынес временное решение о признании родительских прав, согласно которому О.Х.Д. получил право на двухчасовое общение с Н.М.Т. раз в две недели в контактном центре. Во временном распоряжении о признании родительских прав от 14 июля 2017 года родителям было предписано разрешить Н.М.Т. проводить с ним время, если тест на родство подтвердит его отцовство. Тест ДНК подтвердил его отцовство, но на момент подачи настоящего сообщения он так и не встретился с Н.М.Т., поскольку стоял в очереди в контактный центр.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что высылка О.Х.Д. из Австралии будет означать, что он будет лишен какой-либо семейной жизни с Н.М.Т. в нарушение статей 2 (пункт 1), 17, 23 (пункт 1) и 24 (пункт 1) Пакта. То же самое можно сказать о Б.О.М. и О.А.Д., учитывая сохранение культуры расширенной семьи в Нигерии. Его высылка также не позволит ему завершить находящееся на рассмотрении в Австралии дело из области семейного права, в котором он пытается добиться признания за ним родительских прав на постоянной основе. Отсутствие такого признания может привести к тому, что авторы на неопределенное время потеряют контакт с Н.М.Т., так как О.Х.Д. не общается с ее матерью.

3.2 Авторы утверждают, что три заявления были поданы министру иммиграции и пограничного контроля на основании статьи 417 после рождения Н.М.Т. Однако министр не учел факт ее рождения как новое обстоятельство или то, в какой мере отказ в выдаче защитной визы соотносится с ее правами².

3.3 Кроме того, даже если О.Х.Д. будет разрешено взять Н.М.Т. с собой в Нигерию, это подвергнет ее риску непоправимого вреда, учитывая историю семьи (см. пункты 2.1 и 2.2 выше) и выводы Комитета по делу *Хуссейни против Дании*³. Речь идет о продолжении жестокого обращения со стороны семьи М., финансовых трудностях в связи с отсутствием работы, а также о социальной изоляции и остракизме со стороны их общины. Учитывая ее юный возраст на момент подачи сообщения, она еще не в состоянии принять решение, стоит ли ей поддерживать контакты с О.Х.Д. Однако его депортация причинит ей травму, а он имеет право поддерживать с ней контакты.

3.4 Ссылаясь на безнаказанность за нарушения прав человека, совершаемые нигерийскими властями и «Боко Харам», а также на насилие в общинах, авторы утверждают, что они не смогут искать защиты у нигерийских властей и, таким образом, подвергнутся реальной и непосредственной опасности обращения, противоречащего статьям 2 (пункт 1) и 7 Пакта. Информация из страны подтверждает, что по возвращении они вновь столкнутся с религиозными преследованиями, которым они уже подвергались в Нигерии⁴.

3.5 Авторы оспаривают выводы, сделанные представителем министра иммиграции и пограничной охраны, который пришел к выводу, что они систематически искажали события для выдвижения требований и гнали о событиях и случаях угроз. Они утверждают, что эти выводы свидетельствуют о непонимании специфики

² *Хуссейни против Дании* (CCPR/C/112/D/2243/2013), п. 9.6.

³ П. 9.5.

⁴ United States, Department of State, *Nigeria 2012 Human Rights Report* (2012); Human Rights Watch, "World report 2012: Nigeria – events of 2011"; United States, Department of State, "Nigeria 2012 international religious freedom report" (2012); United States, Department of State, "Country reports on terrorism 2016 – Nigeria" (2017); and Harriett Sherwood, "Christians flee growing persecution in Africa and Middle East", *The Guardian*, 13 January 2016.

политической, культурной и семейной жизни в Нигерии и социальных структур в стране, в частности взаимоотношений полиции и общества. Трибунал по рассмотрению дел беженцев также установил, что авторы не заслуживают доверия. Таким образом, власти государства-участника не придали должного значения их подробному рассказу о существовании угрозы жестокого обращения⁵. Более того, вывод о том, что авторы не заслуживают доверия, свидетельствует об отсутствии уважения к их культуре, религии и этническим особенностям и равносильно дискриминации.

3.6 Авторы также утверждают о нарушении статей 3 (пункт 1), 3 (пункт 2), 5, 9, 10, 14 (пункт 2), 16, 18 и 30 Конвенции о правах ребенка и статей 3, 16, 31 и 33 Конвенции о статусе беженцев.

3.7 Авторы добиваются признания нарушения их прав по Пакту, Конвенции о правах ребенка и Конвенции о статусе беженцев, а также обязательств государства-участника воздержаться от их депортации в Нигерию и предоставить им защиту как беженцам (см. пункт 7.4 ниже).

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 Вербальной нотой от 1 июня 2018 года государство-участник заявило, что сообщение является неприемлемым в отношении Б.О.М., О.А.Д. и Н.М.Т., поскольку представленная доверенность распространяется только на О.Х.Д., и нет никаких признаков того, что Б.О.М. или О.А.Д. каким-либо образом ограничивались в их возможностях дать прямое разрешение. Поэтому внутреннее законодательство о неприкосновенности частной жизни и статья 17 Пакта ограничивают возможности государства-участника ответить на утверждения, касающиеся Б.О.М., О.А.Д. и Н.М.Т. Более того, хотя Н.М.Т. еще не обладает дееспособностью уполномочить законного представителя представлять ее интересы и хотя О.Х.Д. является ее биологическим отцом, их отношения недостаточно близки, чтобы дать ему полномочия направить сообщение от ее имени или назначить законного представителя действовать от ее имени. Более того, нет никаких доказательств того, что ее мать, ее основной опекун, дала согласие на то, чтобы О.Х.Д. направил сообщение от ее имени. Поэтому утверждение о нарушении статьи 24 (пункта 1) Пакта является неприемлемым *ratione personae*, поскольку правами, предусмотренными в этой статье, могут пользоваться только дети⁶.

4.2 Государство-участник отмечает, что жалобы, выдвинутые в соответствии с Конвенцией о правах ребенка и Конвенцией о статусе беженцев, являются неприемлемыми согласно статье 3 Факультативного протокола. Согласно статье 31 Венской конвенции о праве международных договоров, положения Конвенции о правах ребенка могут помочь Комитету в рассмотрении соответствующих статей Пакта; однако Пакт нельзя толковать как документ, заимствующий в полном объеме положения Конвенции о правах ребенка.

4.3 Государство-участник утверждает, что все претензии, выдвинутые в соответствии с Пактом, недостаточно обоснованы и носят гипотетический характер, поскольку авторы тем временем добровольно вернулись в Нигерию. Поэтому ни одно из действий государства-участника не могло послужить основанием для предполагаемых нарушений. Кроме того, в сообщении не указано, какое поведение государства-участника явилось нарушением статьи 2 (пункт 1) Пакта. Кроме того, любое утверждение о возможном будущем нарушении пункта 1 статьи 23 Пакта является неприемлемым *ratione materiae*.

4.4 Государство-участник также утверждает, что заявленные жалобы являются необоснованными. Что касается жалобы по статье 7 Пакта, по мнению государства-участника, добровольное возвращение авторов означает, что государство-участника

⁵ Авторы ссылаются на дело *Биахуранга против Дании* (CCPR/C/82/D/1222/2003), п. 11.4.

⁶ Государство-участник ссылается на дело *Фей против Колумбии* (CCPR/C/53/D/514/1992), п. 5.2.

невозможно обвинить в действиях, которые представляли бы собой нарушение. Кроме того, авторы не доказали, что в их отношении действует обязательство о запрете принудительного возвращения. Все их утверждения по статье 7 Пакта были оценены национальными директивными органами, которые пришли к выводу, что в Нигерии они не подвергнутся реальной угрозе непоправимого вреда и что их утверждениям не хватает достоверности и они не подкрепляются информацией о стране. В частности, ответственный сотрудник департамента пришел к выводу, что утверждения Б.О.М. о том, что ее первый муж стремился вернуться в деревню своей семьи, которая отравила его, неправдоподобны, что она не смогла объяснить, как ей удавалось продолжать предпринимательскую деятельность в течение тех лет, когда она якобы подвергалась нападениям, и что ее утверждения о том, что «Ахли-Сунна», прекратившая свои безуспешные попытки навредить ей, без видимой причины вдруг стала вновь проявлять к ней интерес, не заслуживают доверия. Кроме того, было признано неправдоподобным, что она действительно опасалась за свою жизнь в Нигерии, поскольку она неоднократно возвращалась в страну после зарубежных отпусков. Более того, сначала она утверждала, что «Ахли-Сунна», имеющая связи по всей стране, выслеживала ее в течение 10 лет, а затем заявила, что эта организация не будет преследовать ее семью в Нигерии.

4.5 Государство-участник отмечает, что при пересмотре дела Трибунал по рассмотрению дел беженцев пришел к выводу, что проблемы с психическим здоровьем авторов⁷ не объясняют проблемы с достоверностью их показаний, учитывая их попытки объяснить свои действия своими страхами, на которые они ссылаются. Хотя их дом пострадал от пожара в 2013 году, в полицейском протоколе нет никаких указаний на то, что он был взорван, и они не смогли объяснить, почему они поехали на место происшествия. Более того, они проследовали транзитом через Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, но не просили там защиты. Федеральный окружной суд отклонил апелляцию, поскольку решение Трибунала не содержало юрисдикционных ошибок.

4.6 Государство-участник далее отмечает, что 9 декабря 2014 года О.Х.Д. и О.А.Д. подали отдельные заявления на получение защитной визы, которые были признаны недействительными в свете статьи 48А Закона о миграции. Поэтому они рассматривались как ходатайства о вмешательстве министерства. Однако было решено, что эти ходатайства не отвечают требованиям, позволяющим передать их в министерство. Их четыре последующие ходатайства о вмешательстве министерства также не увенчались успехом.

4.7 Государство-участник утверждает, что имеющаяся информация о стране не противоречит сделанным выводам о достоверности и не подтверждает того, что мусульманские экстремисты преследуют людей на юге Нигерии. Более того, Б.О.М. не представила никаких полицейских протоколов, касающихся смерти ее первого мужа.

4.8 Что касается утверждений авторов по статьям 17 и 23 (пункт 1) Пакта, государство-участник утверждает, во-первых, что оно не вмешивалось в семейную жизнь авторов. Н.М.Т. родилась после завершения процедуры рассмотрения ходатайства о выдаче защитной визы, но последствия для нее отказа в выдаче защитной визы взрослым авторам были учтены при рассмотрении ходатайств о министерском вмешательстве. Их добровольное возвращение в Нигерию означает, что государство-участник не предпринимало никаких действий, которые могли бы быть приравнены к произвольному вмешательству. Решение Комитета, на которое ссылаются авторы, касается постоянного запрета на повторный въезд, исключающего продолжение близких отношений через регулярные посещения⁸. Однако О.Х.Д. не имеет достаточно тесной связи с Н.М.Т., которая должна пользоваться защитой в

⁷ Б.О.М. страдала потерей памяти, бессонницей, тревожным расстройством и депрессией. О.Х.Д. страдал скрытой депрессией. Он проходил лечение от глубокой депрессии, и состояние его здоровья стабилизировалось благодаря приему лекарств.

⁸ *Хуссейни против Дании*.

соответствии с этими статьями⁹, и он может вернуться в Австралию при условии удовлетворения визовых требований. Во-вторых, не каждое вмешательство является произвольным или незаконным. Вмешательство является правомерным, когда оно опирается на Закон о миграции, и можно было с полным основанием предвидеть, что О.Х.Д. будет подвергнут высылке после отказа в удовлетворении его заявления на получение защитной визы¹⁰. Государство-участник утверждает, что ситуация, при которой он мог находиться с Н.М.Т. только в Австралии, возникла в результате его собственного поведения. В-третьих, государство-участник приняло законы и политические меры для защиты и поддержки семей, и у О.Х.Д. все еще есть возможности добиваться права видеться с Н.Т.М. Незавершенное судебное разбирательство по вопросу родительских прав, вероятно, может быть продолжено. Суды по семейному праву Австралии обладают широкими полномочиями формулировать родительские права с учетом ситуации родителей, в том числе в случаях, когда один из родителей проживает за границей.

4.9 Государство-участник утверждает, что жалоба авторов по пункту 1 статьи 24 Пакта является необоснованной, поскольку возвращение О.Х.Д. в Нигерию не привело к утрате защиты Н.М.Т., чьим основным опекуном является мать¹¹.

4.10 Государство-участник отмечает, что просьбы авторов предоставить им средства правовой защиты в значительной степени утратили смысл в свете их добровольного возвращения в Нигерию.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 В своих замечаниях от 10 сентября 2018 года авторы оспаривают, что их возвращение в Нигерию 11 октября 2017 года было добровольным, поскольку они покинули Австралию в соответствии с визовым требованием покинуть страну до 15 декабря 2017 года. Они были бы задержаны, оставшись в Австралии. Кроме того, Б.О.М. предоставила в Департамент иммиграции и пограничной охраны письмо о том, что в силу состояния своего здоровья она не может путешествовать, а также психиатрическое заключение, однако Департамент не учел ее медицинские и психиатрические противопоказания при выдаче ей 9 октября 2017 года промежуточной визы E¹². Кроме того, власти государства-участника направили их в Международную организацию по миграции для оформления авиационного билета.

5.2 Авторы утверждают, что после подачи настоящего сообщения сотрудник Департамента иммиграции и пограничной охраны допросил их относительно содержания их сообщения и поинтересовался, кто его подал. Когда один из них ответил, что они подали жалобу, сотрудник заявил: «Теперь вы уедете». Авторы настаивают на своем праве на подачу сообщения в Комитет и том, что их не должны допрашивать по поводу подачи сообщения или подвергать каким-либо репрессиям за это.

5.3 Авторы представляют копии полномочий их законных представителей, подписанных О.А.Д. и Б.О.М., а также О.Х.Д. от имени Н.М.Т. До отъезда из Австралии О.Х.Д. имел с ней одну очную встречу, которая произошла с задержкой, поскольку ее мать отменила предыдущие свидания¹³. О.Х.Д. не смог продолжить свидания из-за своего вынужденного отъезда. Таким образом, Н.М.Т. была лишена

⁹ Manfred Nowak, *UN Covenant on Civil and Political Rights. CCPR Commentary*, 2nd ed. (Kehl am Rhein, Germany, Engel, 2005), p. 394; и *Балагер Сантакана против Испании* (CCPR/C/51/D/417/1990), п. 10.2.

¹⁰ *Мадафери против Австралии* (CCPR/C/81/D/1011/2001), п. 9.8.

¹¹ *Балагер Сантакана против Испании*.

¹² В деле имеется копия письма от 26 июля 2017 года от лечащего врача Б.О.М., в котором говорится, что она не может совершить поездку, поскольку ей предстоит гастроскопия в связи с хроническими болями в животе и приступами тревоги.

¹³ Авторы прилагают фотографии этого свидания. Последнее постановление суда возлагает на мать Н.М.Т. единоличную родительскую ответственность и предписывает О.Х.Д. проводить время с Н.М.Т., когда он находится в Австралии, в соответствии с договоренностью сторон.

возможности выстраивать содержательные отношения с авторами. Тем не менее являясь ее отцом, О.Х.Д. имеет право подать сообщение от ее имени.

5.4 В поддержку своего утверждения по статье 7 Пакта авторы ссылаются на позицию Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) по вопросу о бремени доказывания и толковании сомнений в процедурах предоставления убежища и о возможном задержании просителей убежища любым органом власти¹⁴. Они утверждают, что после исчерпания внутренних средств правовой защиты они не обязаны выдвигать новые аргументы в Комитете по существу и что государство-участник не инкорпорировало Конвенцию о статусе беженцев во внутреннее законодательство.

5.5 Авторы утверждают, что после возвращения в Нигерию они столкнулись с преследованиями со стороны племени фулани и были вынуждены скрываться. После того как Б.О.М. была обнаружена, ей на грудь вылили горячую воду. Она сбежала в деревню в Умангере, штат Бенуэ, где остановилась у подруги. Однако фулани напали на деревню. Она и ее подруга сбежали в деревню в штате Экити, но фулани продолжали преследовать их и там. Б.О.М. удалось скрыться, несмотря на травмы, из-за которых она была госпитализирована, а ее подруга была убита¹⁵. Впоследствии она сбежала в Канаду. Тем временем О.Х.Д. бежал в Соединенные Штаты Америки, а О.А.Д. — в Бенин, где он пытался спастись, скрываясь в церквях. Ни один из авторов не имеет вида на жительство в стране проживания.

5.6 В соответствии со статьей 17 Пакта авторы утверждают, что вмешательство государства-участника в их семейную жизнь было произвольным и не было разумным, необходимым или соразмерным, в том числе в свете их вынужденного отъезда. Они утверждают, что государство-участник нарушило статью 24 (пункт 1) Пакта, поскольку Н.М.Т. лишена возможности с ними общаться. Авторы ссылаются на окончательные постановления о признании родительских прав, вынесенные на основании соглашения сторон Федеральным окружным судом Австралии 3 ноября 2017 года, которые возлагают единоличную родительскую ответственность на мать Н.М.Т. и предписывают, среди прочего, что после достижения ею трехлетнего возраста О.Х.Д. должен общаться с ней в режиме онлайн-контакт раз в неделю и проводить с ней время, когда он находится в Австралии.

5.7 В связи с их отъездом из Австралии авторы добиваются признания нарушения их прав по Пакту, Конвенции о правах ребенка и Конвенции о статусе беженцев и выдачи государством-участником визы, позволяющей им проживать в Австралии и пользоваться защитой, предоставляемой беженцам.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 В своих дополнительных замечаниях от 30 сентября 2019 года государство-участник подтверждает, что возвращение авторов в Нигерию было добровольным и что его власти используют термин «добровольные возвращенцы» для обозначения тех, кто покидает Австралию по собственной воле, имея действующую или просроченную визу или обратившись к правительству за содействием в отъезде. Авторы согласились покинуть Австралию без принуждения, и О.Х.Д. и Б.О.М. сделали это, имея действующие визы. Предписание покинуть страну в качестве визового требования соответствует внутреннему законодательству, регулирующему окончательно урегулированные ходатайства о защите.

6.2 Государство-участник отмечает, что у него нет никаких данных и что авторы не представили никаких доказательств, подтверждающих комментарии, якобы сделанные сотрудником Департамента иммиграции и пограничной охраны в связи с подачей настоящего сообщения.

¹⁴ UNHCR, “Handbook on procedures and criteria for determining refugee status under the 1951 Convention and the 1967 Protocol relating to the Status of Refugees” (HCR/IP/4/Eng/REV.1), paras. 196 and 198–199.

¹⁵ Авторы прилагают копию газетной статьи от 27 января 2018 года, в которой рассказывается об убийстве женщины пастухами из племени фулани в штате Экити.

6.3 Государство-участник отмечает, что оно полностью выполняет свои обязательства по договорам, на которые ссылаются авторы, и указывает на отсутствие требования иметь единое национальное законодательство, которое было бы неуместным в его федеральной системе управления.

6.4 По мнению государства-участника, авторы не представили никаких доказательств, подтверждающих, что любое вмешательство в семейную жизнь было произвольным или незаконным. Контакты между О.Х.Д. и Н.М.Т., по-видимому, были ограниченными, а добровольное возвращение авторов означает, что никакие действия государства-участника не могут служить основанием для подачи жалобы по статье 17 Пакта. Государство-участник повторяет, что утверждение по статье 24 Пакта является недостаточно обоснованным с учетом возвращения авторов и в отсутствие доказательств того, что Н.М.Т. не получает защиту в соответствии с требованиями этой статьи.

6.5 В ответ на утверждения авторов о преследовании после их отъезда из Австралии государство-участник вновь заявляет, что оно не высылало их и что их жалобы были всесторонне рассмотрены в рамках внутренних процедур. По мнению государства-участника, после их возвращения оно не может продолжать нести обязательство оценивать угрозу причинения им вреда.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Согласно правилу 97 своих правил процедуры, прежде чем рассматривать содержащиеся в сообщении жалобы, Комитет должен установить, является ли данная жалоба приемлемой в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

7.2 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым, поскольку оно не было правомерно подано от имени О.А.Д., Б.О.М. и Н.М.Т. Однако Комитет также отмечает, что авторы представили копии доверенностей, подписанных О.А.Д. и Б.О.М., а также доверенности, подписанной О.Х.Д. от имени Н.М.Т. Ссылаясь на свою постоянную позицию, согласно которой родитель имеет право действовать от имени своих детей без прямого разрешения с их стороны, Комитет признает, что О.Х.Д. имеет достаточно близкие отношения с Н.М.Т., чтобы подать сообщение от ее имени¹⁶, и что сообщение, как представляется, не противоречит наилучшим интересам последней¹⁷. Таким образом, отмечая, что доверенности, в принципе, должны быть представлены одновременно с первоначальным представлением сообщения, Комитет считает, что сообщение было правомерно подано авторами от своего имени и от имени Н.М.Т. в соответствии с правилом 99 b) правил процедуры Комитета. В этой связи Комитет считает, что статья 2 Факультативного протокола не является препятствием для признания сообщения приемлемым.

7.4 Что касается утверждений авторов о нарушении Конвенции о правах ребенка и Конвенции о статусе беженцев, Комитет отмечает, что статья 1 Факультативного протокола ограничивает материальную сферу его компетенции получением и рассмотрением сообщений о нарушении любого из прав, изложенных в Пакте. Утверждения о нарушениях других договоров выходят за эти рамки. Поэтому Комитет объявляет эти утверждения неприемлемыми в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола как несовместимые с положениями Пакта.

¹⁶ *X. против Сербии* (CCPR/C/89/D/1355/2005), п. 6.4.

¹⁷ См. в этой связи Комитет по правам ребенка, *Уэртас против Испании* (CRC/C/81/D/13/2017), п. 9.2.

7.5 В отношении утверждений авторов о нарушении их прав, предусмотренных в статье 2 (пункт 1) Пакта, Комитет ссылается на свою правовую позицию, в соответствии с которой положения статьи 2 Пакта определяют общие обязательства государств-участников и сами по себе не могут служить основанием для подачи жалобы в сообщении, представляемом в соответствии с Факультативным протоколом¹⁸. Таким образом, Комитет считает, что утверждения автора по статье 2 Пакта являются неприемлемыми согласно статье 3 Факультативного протокола.

7.6 Комитет отмечает, что, по мнению государства-участника, сообщение является недостаточно обоснованным: добровольное возвращение авторов в Нигерию означает, что государство-участник не предприняло никаких действий, которые могли бы лечь в основу их претензий (см. пункт 4.3 выше), а средства правовой защиты, запрошенные авторами, в значительной степени утратили смысл (см. пункт 4.10 выше). Комитет отмечает, однако, что авторы оспаривали, что их возвращение было добровольным, утверждая, что на них лежало юридическое обязательство покинуть Австралию и что дальнейшее пребывание в стране могло бы привести к их задержанию (см. пункт 5.1 выше). В этой связи Комитет отмечает, что государство-участник не смогло эффективно оспорить этот аргумент и доказать, что их возвращение было добровольным, заявив лишь, что авторы согласились покинуть Австралию без принуждения, что О.Х.Д. и Б.О.М. сделали это, имея действующие визы, а власти страны используют термин «добровольные возвращенцы» для обозначения тех, кто покидает Австралию по собственной воле, имея действующую или просроченную визу или обратившись к правительству за содействием в отъезде (см. пункт 6.1 выше). На этом фоне Комитет считает, что возвращение авторов само по себе не лишает настоящее сообщение смысла. Поэтому Комитет рассмотрит, является ли утверждение о том, что решение о высылке авторов в Нигерию нарушило их права по Пакту, достаточно обоснованным для целей приемлемости.

7.7 Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 31 (2004), в котором он ссылается на обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозмездимого вреда, такого, как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта. Комитет также указал, что такая опасность должна носить личный характер и что должны существовать серьезные основания для установления наличия реальной опасности причинения непоправимого вреда. При проведении такой оценки должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение в области прав человека в стране происхождения автора¹⁹. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой необходимо придавать весомое значение проведенной государством-участником оценке, и повторяет, что, как правило, именно органы государств — участников Пакта должны рассматривать и оценивать факты и доказательства в том или ином конкретном случае с целью определения наличия такой опасности, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер, была очевидно ошибочной или была равнозначна отказу в правосудии²⁰.

7.8 В данном случае Комитет отмечает, что требования авторов о защите были рассмотрены несколькими национальными административными и судебными органами на различных уровнях и что они не согласились с достоверностью их показаний или с тем, что они нуждаются в защите. В частности, эти органы

¹⁸ *Ч.Х.О. против Канады* (CCPR/C/118/D/2195/2012), п. 9.4; *Кастаньеда против Мексики* (CCPR/C/108/D/2202/2012), п. 6.8; *А.П. против Украины* (CCPR/C/105/D/1834/2008), п. 8.5; *Пейрано Бассо против Уругвая* (CCPR/C/100/D/1887/2009), п. 9.4; и *Х.Е.А.К. против Дании* (CCPR/C/114/D/2343/2014), п. 7.4.

¹⁹ См., например, *Х. против Дании* (CCPR/C/110/D/2007/2010), п. 9.2; *В.Р. и Н.Р. против Дании* (CCPR/C/117/D/2745/2016), п. 4.4; *Дж.И. против Швеции* (CCPR/C/128/D/3032/2017), п. 7.3; и *А.Е. против Швеции* (CCPR/C/128/D/3300/2019), п. 9.3.

²⁰ *В.Р. и Н.Р. против Дании*, п. 4.4; *Ф.Б.Л. против Коста-Рики* (CCPR/C/109/D/1612/2007), п. 4.2; *Фернандес Мурсия против Испании* (CCPR/C/92/D/1528/2006), п. 4.3; и *Щедко против Беларуси* (CCPR/C/77/D/886/1999), п. 9.3.

установили, что Б.О.М. сделала неправдоподобные и непоследовательные заявления, касающиеся существенных элементов ее показаний, в том числе отравления ее первого мужа, совпадения ее перемещений по Нигерии с продолжением ее бизнеса, периодического интереса к ней со стороны «Ахли-Сунны» и того факта, что она много раз ездила в отпуск за границу, пока жила в Нигерии, и в конечном итоге решила вернуться в эту страну (пункт 4.4 выше). Комитет считает, что, хотя авторы не согласны с выводами национальных властей, они не смогли обосновать наличие каких-либо конкретных ошибок или явного произвола в этих решениях. Таким образом, Комитет объявляет жалобы авторов на принудительное возвращение по статье 7 Пакта неприемлемыми согласно статье 2 Факультативного протокола.

7.9 Комитет отмечает утверждения авторов по статьям 17 и 23 (пункт 1) Пакта о том, что решение об их высылке из Австралии лишило их всякой возможности семейной жизни с Н.М.Т. (см. пункт 5.6 выше). Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что оно не вмешивалось в семейную жизнь авторов и Н.М.Т., что любое такое вмешательство не было произвольным или незаконным и что последствия для Н.М.Т. отказа в выдаче защитной визы взрослым авторам были учтены при рассмотрении просьб о министерском вмешательстве (см. пункт 4.8 выше). По словам государства-участника, у О.Х.Д. все еще есть варианты добиться доступа к Н.М.Т., в том числе путем продолжения процедуры признания родительских прав и подачи заявления на возвращение в Австралию при условии удовлетворения визовых требований. Комитет вновь напоминает о своей правовой практике, согласно которой возможны случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи остаться на его территории будет представлять собой вмешательство в семейную жизнь этого лица. Однако один лишь тот факт, что определенные члены семьи имеют право оставаться на территории государства-участника, совсем не означает, что предъявляемое другим членам семьи требование покинуть его территорию представляет собой такое вмешательство²¹. В данном случае Комитет считает, что авторы не смогли эффективно опровергнуть аргумент государства-участника о том, что вмешательство в их личную жизнь не было произвольным или незаконным. В этой связи Комитет отмечает, что окончательные постановления о признании родительских прав, вынесенные на основании соглашения сторон 3 ноября 2017 года, предписывают, что после достижения Н.М.Т. трехлетнего возраста О.Х.Д. должен общаться с ней в режиме онлайн-контакт раз в неделю и проводить с ней время, когда он находится в Австралии (см. пункт 5.6 выше). Комитет считает, что авторы не обосновали в достаточной степени, каким образом решение отказать О.Х.Д. в проживании в Австралии помешает ему выполнять эти постановления. Что касается О.А.Д. и Б.О.М., Комитет отмечает, что авторы не представили никакой информации о том, что они когда-либо являлись с Н.М.Т. частью одной семьи²². Более того, из имеющейся в деле информации следует, что Федеральный окружной суд запретил О.Х.Д. разрешать О.А.Д. и Б.О.М. присутствовать при его свидании с Н.М.Т. Комитет заключает, что авторы не смогли в достаточной степени обосновать, почему наложение обязательства покинуть Австралию представляло собой несоразмерную меру, ведущую к произвольному вмешательству в их права в соответствии со статьями 17 и 23 (пункт 1) Пакта. В этой связи данные претензии являются неприемлемыми согласно статье 2 Факультативного протокола.

7.10 Что касается утверждений авторов, сделанных после возвращения в Нигерию, Комитет напоминает, что он в принципе не рассматривает события, последовавшие за возвращением, если утверждается, что решение о высылке представляло собой нарушение Пакта в тот момент времени, если только эти события не проливают свет на ситуацию, существовавшую в соответствующий момент времени. В свете вышеизложенного Комитет считает жалобы по статьям 7 и 2 (пункт 1) неприемлемыми

²¹ *Дофен против Канады* (CCPR/C/96/D/1792/2008), п. 8.1; *Вината против Канады* (CCPR/C/72/D/930/2000), п. 7.1; *Мадафферы против Австралии*, п. 9.7; *Бьяхуранга против Дании*, п. 11.5; и *Б.Д.К. против Канады* (CCPR/C/125/D/3041/2017), п. 7.6.

²² Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 16 (1988), п. 5.

в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола как недостаточно обоснованные.

7.11 Что касается жалобы авторов по статье 24 Пакта, Комитет считает, что авторы не представили никакой конкретной информации, подтверждающей, что Н.М.Т. не имеет защиты. В этой связи Комитет принимает во внимание, что о ней продолжает заботиться ее основной опекун, ее мать, и что не появилось никакой информации, позволяющей предположить, что отъезд О.Х.Д. из Австралии препятствует соблюдению им требований постановлений о признании родительских прав. Следовательно, Комитет признает эту претензию неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола как недостаточно обоснованную.

8. Соответственно, Комитет постановляет:

- a) признать сообщение неприемлемым в соответствии со статьями 2 и 3 Факультативного протокола;
 - b) довести настоящее решение до сведения государства-участника и авторов сообщения.
-